

В. П. Скобелев

**СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕЙСТВИЯ ЗАКОННОЙ СИЛЫ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Проблема понятия и содержания субъективных пределов действия законной силы в гражданском процессе имеет большое практическое и не менее важное теоретическое значение. Но для того, чтобы ее правильно разрешить, необходимо предварительно определиться по вопросу о том, что же представляет собой сам феномен законной силы. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отметим, что наиболее адекватным с точки зрения действующего законодательства, а также истории формирования правил гражданского судопроизводства нам видится следующее, взятое за основу для дальнейшего изложения, определение законной силы.

Законная сила является процессуальным институтом (т. е. совокупностью установленных законодателем процессуальных правил), преследующим цель сделать для непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц их установленное в процессе материально-правовое положение безусловно обязательным. Такое обязывание достигается путем предупреждения повторных судебных разбирательств по вопросам, входящим в объем ранее определенного правового положения, с помощью правил исключительности (запрет повторного обращения в суд с иском (жалобой, заявлением) по уже рассмотренному делу) и преюдициальности (запрет оспаривания в правомерно возникшем процессе обстоятельств дела, уже установленных судом в другом процессе)¹.

Из предложенного понимания законной силы следует, что *субъективные пределы ее действия представляют собой круг лиц, на которых распространяется действие ограничений, входящих в содержание института законной силы.*

В этой связи нельзя не обратить внимание на существующую в процессуальной доктрине тенденцию, заключающуюся в отождествлении пределов действия (в том числе и субъективных) законной силы с пределами действия судебного решения². Данная тенденция обусловлена преобладанием среди ученых взглядов на законную силу

как на особое действие акта правосудия. Однако нами уже отмечалось, что действие решения и законная сила по своей сути являются различными (хотя и связанными друг с другом) явлениями³. Ведь действие решения обусловлено его сущностью и состоит в императивном установлении материально-правового положения непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц, что, конечно же, не тождественно приведенному выше определению законной силы. А значит, и субъективные пределы действия решения характеризуют качественно иную сферу правовой реальности, нежели субъективные пределы действия законной силы, в частности, они *определяют круг субъектов, на которых распространяется решающая деятельность суда, т. е. позволяют выяснить, в отношении кого судом были установлены определенные факты и правоотношения материально-правового характера*.

Наличие сущностных отличий между субъективными пределами действия решения и субъективными пределами действия законной силы позволяет говорить о том, что по своему содержанию, т. е. по кругу входящих в них субъектов, они не всегда могут совпадать друг с другом. Кроме того, в гражданском судопроизводстве материально-правовое положение непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц может быть определено не только судом путем вынесения решения, но и самими сторонами в результате таких их волеизъявлений, как отказ от иска, сопряженный с отказом от материальных прав, и мировое соглашение⁴. В этих случаях говорить о субъективных пределах действия решения, очевидно, не приходится, в то время как субъективные пределы действия законной силы, что будет видно из последующего изложения, выяснить можно и нужно.

Теперь непосредственно обратимся к рассмотрению вопроса о содержании субъективных пределов действия законной силы. Если материально-правовое положение было установлено решением, то, с учетом стоящих перед институтом законной силы задач, составляющие его содержание правила исключительности и преюдициальности в первую очередь должны действовать в отношении субъектов, на которых распространяется решающая деятельность суда, т. е. лиц, входящих в субъективные пределы действия решения. При этом вхождение одних и тех же субъектов в пределы действия решения и в пределы действия законной силы еще не говорит о тождестве этих двух понятий. Пределы действия решения характеризуют соответст-

вующих лиц в материально-правовой плоскости, а пределы действия законной силы – в процессуальной.

Указанные субъекты перечислены в ч. 2 ст. 54 ГПК как лица, имеющие непосредственный (т. е. материально-правовой) интерес в исходе дела: стороны, третьи лица, заявители, государственные органы, юридические лица и иные организации, должностные лица, действия (бездействия) которых обжалуются, заинтересованные граждане и юридические лица по делам особого производства. Сюда же относятся и правопреемники данных лиц⁵, при том условии, что правопреемство наступило после вынесения решения суда. Эти положения общепризнаны в теории⁶ и находят свое подтверждение в ч. 1 ст. 318 ГПК, согласно которой не могут вновь заявлять в суде те же иски требования, на том же основании, а также оспаривать в судопроизводстве по другому делу установленные судом факты и правоотношения лишь стороны, другие юридически заинтересованные в исходе дела лица и их правопреемники.

При этом заметим, что для наличия статуса лица, имеющего непосредственный интерес в исходе дела, достаточно *юридического* участия субъекта в процессе, т. е. процессуального оформления его в таком качестве даже при отсутствии фактического участия⁷. Это свидетельствует о том, что лицо *юридически имело возможность влиять на содержание решения*. В этой связи хотелось бы обратить внимание на норму ч. 1 ст. 69 ГПК, которая говорит о *праве* третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, *вступить в дело* в десятидневный срок с момента получения соответствующего мотивированного заявления стороны процесса. В результате буквального толкования данной нормы может создаться впечатление, что третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора, будет считаться привлеченным к участию в деле, а значит, приобретет статус имеющего непосредственный интерес в исходе дела лица только в том случае, если реализует свое право (как меру *возможного*, т. е. необязательного поведения) вступить в дело в соответствующий срок.

Представляется, однако, что привлечение третьего лица без самостоятельных требований на предмет спора к участию в деле стороной процесса заключается в подаче ею суду соответствующего мотивированного заявления и удовлетворение последнего судом⁸. Именно с этого момента такое третье лицо считается привлеченным к участию

в деле, а потому приобретает не право, а обязанность вступить в дело (в противном случае третье лицо могло бы достаточно легко, преследуя цель наступления предусмотренных ч. 2 ст. 69 ГПК последствий, избежать своего участия в процессе). Не случайно ч. 1 ст. 432 ГК «Обязанности покупателя и продавца в случае предъявления иска об изъятии товара» говорит об *обязанности* продавца вступить в дело на стороне покупателя в случае предъявления к нему иска об изъятии товара по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи.

Кроме того, если третье лицо без самостоятельных требований считается уже привлеченным в процесс, то не совсем верным является и выражение «вступить в дело». Более точно говорить о *явке в суд* для фактического участия в судебном заседании. Таким образом, десятидневный срок предоставляется третьему лицу без самостоятельных требований именно для того, чтобы надлежащим образом подготовиться к фактическому участию в процессе. С учетом сказанного считаем, что ч. 1 ст. 69 ГПК нуждается в соответствующей корректировке.

В процессуальной доктрине действие законной силы в отношении третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, традиционно рассматривается с точки зрения эффекта преюдициальности, так как данное лицо не может быть субъектом рассматриваемого судом правоотношения⁹. Вместе с тем хотелось бы отметить, что и третье лицо без самостоятельных требований не вправе предъявить впоследствии иск, направленный на оспаривание установленного судом материально-правового положения, в том числе и правоотношений между бывшими истцом и ответчиком¹⁰. Применительно к решениям о преобразовании на это уже указывалось М. А. Гурвичем¹¹.

На наш взгляд, это объясняется тем, что, во-первых, в силу статуса непосредственно заинтересованного в исходе дела лица третье лицо имело реальную возможность, в том числе и путем заявления самостоятельных требований¹², влиять на формирование содержания решения. Во-вторых, институт законной силы преследует цель обязать *всех* непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц их установленным правовым положением¹³ *по отношению друг к другу*. Так, ч. 1 ст. 318 ГПК *не ограничивает* субъективные пределы исключительности *только сторонами* процесса, а говорит о юридически заинтересованных в исходе дела лицах, т. е. в том числе и о третьих

лицах, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Кроме того, ч. 2 ст. 24 ГПК допускает возможность обращения заинтересованных лиц в суд только в том случае, если спор об их правах и охраняемых законом интересах не был судом рассмотрен и разрешен. Между тем предметом защиты в процессе для не заявляющих самостоятельных требований третьих лиц как раз и служит охраняемый законом интерес (хотя в определенных случаях, о которых мы уже выше упомянули, может быть разрешен вопрос и об отсутствии у такого третьего лица абсолютного права). Поэтому п. 2 ч. 2 ст. 164 и п. 3 ст. 245 ГПК, где упоминаются только стороны, подлежит, на наш взгляд, расширительному толкованию. По такому пути идет и судебная практика.

П. обратился с иском к Л. и Н. об определении порядка пользования жилым помещением. Определением суда в возбуждении дела было отказано по п. 3 ст. 245 ГПК. В частной жалобе П. указал в том числе и то, что по ранее рассмотренному делу Н. был привлечен в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора. Оставляя жалобу без удовлетворения, судебная коллегия по гражданским делам Минского городского суда, в частности, указала: доводы жалобы о том, что Н. участвовал в прежнем процессе в качестве третьего лица, а в настоящем иске указан в качестве ответчика, не являются основанием для отмены определения судьи; в силу ст. 54 ГПК третье лицо и сторона по делу являются юридически заинтересованными в исходе дела лицами¹⁴.

По изложенным выше причинам нельзя признать верным мнение Н. Г. Юркевича о том, что если третье лицо с самостоятельными требованиями на предмет спора, вступая в процесс, ограничится предъявлением иска только к ответчику по первоначальному иску, то «становится возможным (хотя и не очень вероятно) последующее обращение истца по первоначальному иску к выигравшему дело бывшему третьему лицу с новым иском о том же предмете», так как «предъявление иска только к ответчику оставляет неурегулированными отношения с истцом по первоначальному иску»¹⁵. Ведь признание абсолютного права за третьим лицом, заявившим самостоятельные требования на предмет спора, означает отсутствие этого же права у первоначального истца, также участвующего в процессе и имеющего все возможности влиять на содержание решения. Очевидно, что, с учетом стоящих перед институтом законной силы задач, истец не должен

впоследствии иметь возможность оспорить отсутствие у него абсолютного права путем предъявления иска к бывшему третьему лицу. А потому п. 2 ч. 2 ст. 164 и п. 3 ст. 245 ГПК в этой ситуации также подлежат расширительному толкованию.

В контексте сказанного хотелось бы затронуть вопрос о субъективных пределах действия законной силы в случае заключения мирового соглашения сторон. Р. Е. Гукасяном было высказано мнение, поддержанное П. Я. Трубниковым¹⁶, что субъективные пределы преюдициальности в данном случае ограничены участниками мирового соглашения¹⁷. Представляется, что лицами, заключившими мировое соглашение, ограничены только субъективные пределы материально-правового действия мирового соглашения, так как своим волеизъявлением они могут определить лишь свое правовое положение. Однако действие эффекта преюдициальности, на наш взгляд, распространяется и на иных непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц, так как в силу своего участия в процессе они могли заявить возражения (в том числе и путем предъявления иска) против мирового соглашения, а потому должны быть лишены права это делать и впоследствии.

Что же касается пределов действия законной силы в случае отказа истца от иска, то в отличие от некоторых ученых¹⁸, мы полагаем, что данные пределы не ограничены только истцом. Ответчик, как и любое иное юридически заинтересованное в исходе дела лицо не вправе впоследствии предъявить иск, направленный на повторное установление или оспаривание материально-правового положения, определенного самим истцом в результате своего отказа от иска, сопряженного с отказом от материальных прав¹⁹.

В литературе существует мнение, черпающее определенные основания в римском праве, о существовании так называемого презумпционного представительства, согласно которому участник процесса предполагается, ввиду особенностей предмета судебного разбирательства (неделимые правоотношения, иски о гражданских состояниях) или вследствие зависимости правового положения третьего лица от правового положения участника процесса (например, поручителя при отказе в иске к должнику), представителем лица, не участвующего (даже юридически) в рассмотрении дела, а потому последнее включается в субъективные пределы действия законной силы²⁰. Эта позиция уже подвергалась критике в литературе²¹. Кроме того, еще с

древнейших времен известен принцип, согласно которому судебное решение действует лишь в отношении участников процесса, посторонним процессу лицам оно не должно приносить ни вреда, ни пользы, что объясняется, с одной стороны, берущим свои истоки в римском праве своеобразным договорным характером процесса, с другой – действием такого начала, как никто не может быть осужден, пока не будет заслушан, а также состязательным характером гражданского судопроизводства²².

Действительно, ограничения, составляющие содержание законной силы, слишком существенны для того, чтобы их можно было распространять на лиц, не участвовавших в процессе, ввиду особенностей рассматриваемых судом материальных правоотношений. Это привело бы к неоправданному ограничению права на судебную защиту. К тому же такой взгляд противоречит ч. 2 ст. 24 ГПК, а также ч. 1 ст. 318 ГПК.

В этой связи вызывает возражения позиция ряда авторов, расширяющих субъективные пределы действия законной силы (в частности, преюдициальности) в случаях, когда предметом судебного рассмотрения были так называемые абсолютные права²³. У Н. А. Чечиной можно встретить высказывания, позволяющие сделать вывод об отрицании автором вообще субъективных пределов преюдициальности²⁴. Однако такая точка зрения не согласуется с действующим законодательством (ч. 2 ст. 69, ч. 2 ст. 182, ч. 1 ст. 318 ГПК). Как отмечалось в литературе, природа абсолютных прав отнюдь не препятствует ограничению действия законной силы только субъектами процесса²⁵ (можно сказать, что применительно к субъективным пределам действия законной силы абсолютные права выступают скорее как относительные). Об этом свидетельствует и судебная практика. Как указала судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь в одном из своих надзорных определений, признание решением суда за Д. права собственности на спорную квартиру не препятствует признанию доли в праве собственности на эту же квартиру за истицей М., поскольку последняя в первом процессе стороной не являлась и к участию в деле привлечена не была²⁶.

Не будут распространяться, и в этом плане нельзя согласиться с противоположным мнением Н. И. Масленниковой²⁷, входящие в содержание законной силы эффекты на не привлеченное (юридически) к участию в деле лицо и тогда, когда суд непосредственно в решении

указал о наличии у этого субъекта определенных прав и обязанностей, хотя во внепроцессуальной сфере данное лицо и не может не подчиниться действию решения.

К. И. Комиссаровым было высказано мнение, что эффект преюдициальности действует лишь при условии участия в рассмотрении последующих гражданских дел тех же самых лиц, если же в процесс вступают новые лица, преюдициальность утрачивает свое действие, причем и в отношении участников предыдущего дела²⁸. На первый взгляд, такой вывод находит подтверждение в правиле ч. 2 ст. 182 ГПК (а также аналогичных нормах ранее действовавшего законодательства), где речь идет о «тех же лицах или их правопреемниках». К тому же и для реализации эффекта исключительности необходимо, чтобы истец и ответчик являлись участниками ранее рассмотренного дела, что вытекает из п. 2 ч. 1 ст. 164 и п. 3 ст. 245 ГПК.

Однако еще С. В. Курылевым отмечалось, что «выражение «те же лица» ... следует понимать в негативном плане: если заинтересованное лицо не было привлечено к участию в первом деле, при решении которого суд установил факты, значимые с точки зрения интересов такого, не участвовавшего в деле, лица, то эти факты для него не имеют преюдициального значения»²⁹. Полностью разделяя данную позицию, отметим, однако, что ч. 2 ст. 182 ГПК касается условий *освобождения от доказывания* как одного из производных эффектов действия законной силы, в частности, эффекта преюдициальности. Ведь если в силу эффекта преюдициальности никто из непосредственно заинтересованных в исходе рассмотренного дела лиц не вправе оспаривать в другом процессе установленные судом факты и правоотношения, то указанные лица могут беспрепятственно ссылаться на них, не осуществляя их доказывание.

Значит, о «тех же лицах» в ч. 2 ст. 182 ГПК говорится *прежде всего потому*, что беспрепятственно ссылаться перед судом на установленные в решении обстоятельства лица, на которых распространяется действие законной силы, могут лишь *по отношению друг к другу*. Применительно к новым субъектам процесса, в силу их права оспорить установленные без их участия факты и правоотношения, эффект освобождения от доказывания *использован быть не может* (хотя новые субъекты процесса не лишены права использовать данный эффект в отношении тех участников дела, для которых законная сила действует). В частности, поэтому мы полагаем, что при оспаривании

данными лицами ранее установленных обстоятельств субъекты, подпадающие под действие законной силы, могут опровергать доводы противников и приводить новые доказательства существования соответствующих фактов и правоотношений. Однако это еще не говорит о том, что составляющий содержание преюдициальности запрет утрачивает свое действие. К тому же, ч. 1 ст. 318 ГПК не ставит действие преюдициальности в зависимость от субъектного состава второго процесса.

Необходимость *совпадения* сторон второго процесса с непосредственно заинтересованными в исходе дела лицами первого процесса для реализации правила исключительности объясняется тем, что, предъявляя иск, лицо стремится определить свое материально-правовое положение *по отношению к ответчику*, а законная сила преследует цель обязать непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц их установленным правовым положением *только по отношению друг к другу*.

Так, отменяя определение суда первой инстанции о прекращении по п. 2 ч. 1 ст. 164 ГПК производства по делу по иску Т. Е. Досаевой к М. о возмещении материального вреда, судебная коллегия по гражданским делам Минского городского суда указала, что ранее рассмотренный иск о возмещении вреда был предъявлен А. И. Досаевым, а не Т. Е. Досаевой³⁰. В другом случае суд, ссылаясь на п. 3 ст. 245 ГПК, отказал в принятии искового заявления П., в котором она просила возложить выплату повременных платежей в счет возмещения вреда, причиненного утратой трудоспособности, на Минское городское управление социальной защиты. Свой вывод суд мотивировал тем, что решением суда с ООО ИПП «Проксима дизайн» в пользу П. уже взысканы данные платежи. Однако суд упустил из виду, что второй иск был предъявлен к совсем другому лицу³¹.

Для реализации преюдициальности такого совпадения лиц не требуется по следующей причине. Суд устанавливает факты и правоотношения *применительно к участникам процесса*. Оспаривание впоследствии одним из них данных обстоятельств свидетельствовало бы о его не связанности *в отношении иных лиц, на которых распространяется законная сила* (даже если никто из них не участвует во втором процессе), установленными судом фактами и правоотношениями. Но законная сила как раз и существует для того, чтобы такую связанность обеспечить. Поэтому лица, на которых распространяется дейст-

вие законной силы, не вправе оспаривать ранее установленные судом факты и правоотношения вне зависимости от состава участников второго процесса³². Только лица, на которых законная сила не распространяется, вправе опровергать данные факты и правоотношения. Подтверждением этому служит и ч. 2 ст. 69 ГПК. В этом случае в соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда от 28 сентября 2001 г. №10 «О решении суда первой инстанции» суд должен вынести решение на основании исследованных в судебном заседании доказательств. Хотя данные лица могут и сослаться на соответствующие факты и правоотношения, признавая их установленными, что, однако, будет обусловлено уже их собственным волеизъявлением, а не действием преюдициальности.

В судебной практике субъективные пределы действия преюдициальности не всегда учитываются. Так, рассмотрев в кассационном порядке дело по иску УП «ЮМГ» к Ж. о взыскании сумм в счет оплаты дополнительных работ, судебная коллегия по гражданским делам Минского областного суда указала: то обстоятельство, что дополнительные работы были выполнены УП «ЮМГ», но не были первоначально предусмотрены проектно-сметной документацией, как и то, что именно указанную истцом сумму необходимо было уплатить каждому дольщику, *установлено* вступившим в законную силу решением суда по иску УП «ЮМГ» к Н.³³ Однако Ж. не участвовал в этом процессе, а потому существование указанных фактов для него не может считаться заранее установленным.

Таким же образом должны определяться субъективные пределы действия эффектов исключительности и преюдициальности применительно к решениям, выносимым в особом производстве. Игнорирование некоторыми учеными отмеченных выше нюансов, как представляется, привело к длительной дискуссии о том, действуют ли указанные эффекты в отношении данных решений³⁴. Ведь как и в исковом производстве, в особом производстве законная сила может действовать лишь в отношении непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц. Но зачастую в делах особого производства участвует и, в принципе, вообще может участвовать лишь один заявитель, на которого только и будут распространять свое действие эффекты исключительности и преюдициальности. Вместе с тем такая особенность субъектного состава непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц еще ни в коем случае не говорит о том, что в отношении решений, выносимых в особом производстве, законная сила не действует.

Наконец, следует отметить, что ч. 1 ст. 318 ГПК позволяет говорить о распространении действия эффектов, входящих в содержание законной силы, на всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц, а не только тех из них, которые имеют непосредственный интерес в исходе дела. Следует отметить, что аналогичную редакцию имели еще ч. 3 ст. 39 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г.³⁵ и воспроизводившая ее ч. 3 ст. 207 ГПК 1964 г., где говорилось о лицах, участвовавших в деле. Так и в литературе субъективные пределы действия законной силы распространяют на прокурора, а также иных субъектов, которым законом предоставлено право обращаться в суд в защиту прав и законных интересов других лиц³⁶.

В то же время в процессуальной доктрине было высказано мнение, что законная сила, в частности, исключительность, на прокурора не распространяется, так как он не имеет материально-правового интереса к исходу дела. Прокурор не может предъявить соответствующий иск лишь потому, что законная сила распространяется на лицо, в чьих интересах он желал бы предъявить иск³⁷.

Думается, такой взгляд является прямым следствием отождествления действия решения с законной силой. Действие решения в самом деле не распространяется на прокурора и других лиц, имеющих лишь процессуально-правовую заинтересованность в исходе дела. Однако ограничения, входящие в содержание законной силы, при определенных условиях могут действовать в отношении и процессуальных истцов. И в этом плане весьма примечательно замечание П. Я. Трубникова, который указывал, что «одно дело – действие материально-правовой силы судебного решения, которое распространяется на стороны и в соответствующих случаях на других лиц, и иное дело – наступление таких правовых последствий вступления решения в законную силу, как например, исключительность»³⁸. Поэтому, с учетом стоящих перед законной силой задач (сделать для непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц их установленное материально-правовое положение безусловно обязательным), полагаем, что входящие в ее содержание ограничения могут действовать и в отношении имеющих процессуально-правовую заинтересованность лиц, в том числе и представителей, *но лишь постольку, поскольку они выступают в процессе от имени или в интересах субъектов, на которых распространяется действие решения.*

Так и в судебной практике признано, что наличие решения суда о взыскании с родителей в пользу органа опеки и попечительства алиментов на ребенка является препятствием для предъявления детским интернатным учреждением такого же иска в связи с помещением ребенка в данное учреждение³⁹, что решение об отказе в иске о лишении родительских прав управлению образования препятствует обращению в суд с таким же требованием интернатному учреждению⁴⁰. Очевидно, что в данных случаях истцом является ребенок, а интернатные учреждения действуют хоть и от своего имени в порядке ст. 85 ГПК, но в интересах ребенка, на которого распространяется решающая деятельность суда и который должен быть безусловно связан по отношению к ответчикам (т. е. родителям) содержанием ранее постановленного решения.

В связи с этим нельзя согласиться как с точкой зрения С. В. Курылёва о том, что отсутствие у лица материально-правовой заинтересованности в исходе дела влечет за собой действие в отношении его эффекта преюдициальности вне зависимости от участия в предшествующем процессе⁴¹, так и мнением Н. И. Маслениковой, полагавшей, что оспаривать установленные судом факты и правоотношения в другом процессе при участии тех же лиц не может лишь участвовавший в деле прокурор⁴². Только выступление в процессе от имени или в интересах субъекта, подпадающего под действие решения, является фактором, обуславливающим распространение преюдициальности на имеющее процессуальную заинтересованность в деле лицо.

---

¹ Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 2005. С. 4, 10, 15.

² Скобелев В. П. Понятие пределов действия законной силы судебного решения // Проблемы развития законодательства и правоприменительной практики: Материалы междунар. науч. конф. студентов и аспирантов, Минск, 29–30 окт. 2004 г. Мн., 2005. С. 126.

³ Скобелев В. П. Понятие и содержание законной силы судебного решения // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 16. Мн., 2005. С. 176–177.

⁴ Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 2005. С. 33–34.

⁵ Что, однако, не лишает заинтересованных лиц возможности оспорить правомерность преемства в судебном порядке (Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. М., 1955. С. 118; Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 182; Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения. Тбилиси, 1964. С. 148).

⁶ *Абрамов С. Н.* Советский гражданский процесс. М., 1952. С. 279; *Анненков К.* Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Спб., 1884. Т. IV. С. 282–283; *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 352; *Гурвич М. А.* Указ. соч. С. 118; *Зейдер Н. Б.* Пределы действия законной силы судебного решения // Ученые записки Саратовского юридического института. 1959. Вып. VII. С. 51–58; *Мальшиев К.* Курс гражданского судопроизводства. Спб., 1876. Т. 1. С. 442; *Ринг М. П.* Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1957. С. 253; *Семенов В. М.* Взаимная обязательность решений и приговоров в советском гражданском процессе // Ученые записки Свердловского юридического института. 1955. Т. 3. С. 152; *Трубников П. Я.* Обязательность судебного решения в законодательстве и судебной практике // Советское государство и права. 1974. № 2. С. 41.

⁷ *Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 184; *Клейнман А. Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (очерки по истории). М., 1967. С. 94; *Комиссаров К. И.* Преюдиция в гражданском судопроизводстве // Вопросы гражданского процесса в свете решений XXVII съезда КПСС: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 76; *Масленникова Н. И.* Гражданский процесс как форма социального управления. Свердловск, 1989. С. 121; *Семенов В. М.* Указ. соч. С. 151; Советский гражданский процесс / Отв. ред. М. С. Шакарян. М., 1985. С. 277; *Сталев Ж. С.* Сила на пресъедено нещо в гражданския процес. София, 1959. С. 231.

⁸ Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. Мн., 2005. С. 121.

⁹ *Гурвич М. А.* Указ. соч. С. 118–119; *Зейдер Н. Б.* Указ. соч. С. 183–184; *Масленникова Н. И.* Указ. соч. С. 124; *Полумордвинов Д. И.* Указ. соч. С. 159; *Семенов В. М.* Указ. соч. С. 153; *Юдельсон К. С.* Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 286.

¹⁰ В качестве иллюстрации можно привести следующий казус. Гражданин А и гражданин Б совершили договор купли-продажи автомобиля, оформив сделку не надлежащим образом, а путем выдачи доверенности гражданину Б на право управления транспортным средством. Впоследствии в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине пешехода В, автомобилю были причинены повреждения. По просьбе Б юридический собственник автомобиля А предъявил к В иск о возмещении вреда, причиненного автомобилю. В качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, судом на сторону истца был привлечен гражданин Б как лицо, фактически управлявшее транспортным средством в момент аварии. При разрешении данного спора среди прочих обстоятельств обязательно должен быть исследован и такой вопрос, как наличие у А права собственности на автомобиль. Очевидно, что положительное решение этого вопроса означает отсутствие у Б, являющегося фактическим собственником автомобиля, права собственности на него. А потому мы полагаем, что впоследствии Б не имеет права предъявить иск к А о признании сделки о выдаче

доверенности на право управления транспортным средством ничтожной как при-
творной и о признании права собственности на автомобиль.

¹¹ *Гурвич М. А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 160.

¹² Существование такой возможности признано и высшими судебными ин-
станциями страны (см. п. 7.9 постановления Пленума Верховного Суда Респу-
блики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного суда Республики Беларусь от
22 июня 2000 г. № 4/3 «О разграничении подведомственности дел между общими
и хозяйственными судами»).

¹³ В тех случаях, когда предметом спора сторон являются так называемые аб-
солютные права, то в объем устанавливаемого судом материально-правового
положения третьего лица без самостоятельных требований входят не только
юридические факты материального характера, но и такое обстоятельство, как
отсутствие у него абсолютного права на объект спора, что впоследствии не может
быть, о чем говорилось выше, оспорено данным лицом путем предъявления иска
к бывшим сторонам процесса.

¹⁴ Архив суда Партизанского района г. Минска за 2004 г. Материал об отказе
в возбуждении производства по делу № 1897.

¹⁵ Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному ко-
дексу Республики Беларусь / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко,
И. А. Мирониченко. Мн., 2005. С. 114.

¹⁶ *Трубников П. Я.* Указ. соч. С. 42.

¹⁷ *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном
праве. Саратов, 1970. С. 177.

¹⁸ *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004. С. 469.

¹⁹ *Скобелев В. П.* Некоторые вопросы института законной силы в теории и су-
дебной практике // Юстиция Беларуси. 2004. № 8. С. 72–73.

²⁰ *Азаревич Д. И.* Судебное устройство и судопроизводство по гражданским делам.
Университетский курс. Варшава, 1896. Т. 2. Вып. 2. Законная сила судебных ре-
шений. Третейский суд. С. 39–41; *Будзинский С.* О силе судебных решений в гра-
жданском и уголовном процессах и о взаимном влиянии этих процессов преимущ-
ественно по законам Царства Польского. Спб., 1861. С. 27–33; *Гольмстен А. Х.*
Принцип тождества в гражданском процессе // Юридические исследования и
статьи. Спб., 1894. Т. 1. С. 273–275; *Исаченко В. Л.* Русское гражданское судо-
производство. Практическое руководство. Мн., 1901. С. 135; *Сталев Ж. С.* Указ.
соч. С. 234–235, 248–255, 279–291; *Яблочков Т. М.* Учебник русского гражданско-
го судопроизводства. Ярославль, 1912. С. 248–249.

²¹ *Анненков К.* Указ. соч. С. 285; *Миловидов Н.* Законная сила судебных реше-
ний по делам гражданским. Ярославль, 1875. С. 92–114; *Штейнберг А.* Законная
сила судебных решений по гражданским делам // Советская юстиция. 1938. № 23–
24. С. 35–36.

²² *Будзинский С.* Указ. соч. С. 24; *Миловидов Н.* Указ. соч. С. 92–93; *Ста-
лев Ж. С.* Указ. соч. С. 225–226; *Флексор Д. С.* Отмена решений по просьбе треть-
их лиц, не участвовавших в деле. Спб., 1894. С. 183–184.

²³ *Авдюков М. Г.* Судебное решение. М., 1959. С. 165–166; *Заворотько П. П., Штефан М. И.* Судове рішення. Киев, 1971. С. 162–163; *Штутин Я. Л.* Предмет доказывания в советском гражданском процессе. М., 1963. С. 172–173.

²⁴ *Гражданский процесс* / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 2001. С. 303; *Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т.* М., 1981. Т. 2. С. 227; *Чечина Н. А.* Норма права и судебное решение. Л., 1961. С. 64.

²⁵ *Зейдер Н. Б.* Пределы действия законной силы судебного решения // *Ученые записки Саратовского юридического института.* 1959. В. VII. С. 61–62; *Полумордвинов Д. И.* Указ. соч. С. 139; *Семенов В. М.* Указ. соч. С. 158; *Сталев Ж. С.* Указ. соч. С. 125.

²⁶ Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2002 г. Дело № 03-373.

²⁷ *Масленникова Н. И.* Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 17.

²⁸ *Комиссаров К. И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 81; *Комиссаров К. И.* Преюдиция в гражданском судопроизводстве // *Вопросы гражданского процесса в свете решений XXVII съезда КПСС: Межвуз. сб. науч. тр.* Свердловск, 1987. С. 75–78.

²⁹ *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Мн., 1969. С. 82.

³⁰ Архив Минского городского суда за 2003 г. Дело № 33–277.

³¹ Архив суда Центрального района г. Минска за 2003 г. Материал об отказе в возбуждении производства по делу № 117.

³² *Шерстюк В. М.* Арбитражный процесс в вопросах и ответах. М., 2004. С. 87.

³³ Архив Минского областного суда за 2003 г. Дело № 33-937.

³⁴ *Абрамов С. Н.* Судебное установление юридических фактов. М., 1948. С. 26–30; *Алиев А. Д.* Судебные решения по делам особого производства // *Гражданско-правовые формы защиты конституционных прав советских граждан: Сб. науч. тр.* Орджоникидзе, 1985. С. 104–111; *Бырдина С. В.* Особое производство в советском гражданском процессе по судебному установлению фактов, имеющих юридическое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1954. С. 14–15; *Елисейкин П. Ф.* Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. М., 1972. С. 76; *Каллистратова Р. Ф.* Установление юридических фактов судом в порядке особого производства. М., 1958. С. 106–109; *Комиссаров К. И.* Указ. соч. С. 81; *Крючков Г. К.* Судебное установление юридических фактов. М., 1956. С. 58–61; *Мельников А. А.* Постановления суда по делам особого производства // *Советское государство и право.* 1963. № 6. С. 130–134; *Полумордвинов Д. И.* О законной силе судебных определений (Автореферат статьи) // *Советское государство и право.* 1951. № 4. С. 80.

³⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 526.

³⁶ *Авдюков М. Г.* Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе. Лекция. М., 1956. С. 12–13; *Заворотько П. П., Штефан М. И.* Указ соч. С. 163; *Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 190–191;

Клейнман А. Ф. Указ. соч. С. 94; *Масленникова Н. И.* Указ. соч. С. 18; *Семенов В. М.* Указ. соч. С. 154; Советский гражданский процесс / Под. общ. ред. С. Ю. Каца, Л. Я. Носко. Киев, 1982. С. 187; *Штутин Я. Л.* Указ. соч. С. 170–171; *Юдельсон К. С.* Указ. соч. С. 286.

³⁷ *Князев А. А.* Исключительность как свойство судебного решения // LEX RUSSICA. 2004. № 1. С. 236; *Чечина Н. А.* Норма права и судебное решение. Л., 1961. С. 76–77.

³⁸ *Трубников П. Я.* Указ. соч. С. 42.

³⁹ Архив суда Партизанского района г. Минска за 2004 г. Материал об отказе в возбуждении производства по делу № 5442.

⁴⁰ Архив суда Московского района г. Минска за 2003 г. Материал об отказе в возбуждении производства по делу № 1481.

⁴¹ *Курылев С. В.* Указ. соч. 1969. С. 85–86.

⁴² *Масленникова Н. И.* Гражданский процесс как форма социального управления. Свердловск, 1989. С. 126.